

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-345-358

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**«Ведь они про нас аза не знают...»:
русская литература во французской
периодике начала XX в. Обзоры Валерия Брюсова,
Зинаиды Гиппиус, Якова Поволоцкого**

А.Д. Савина^{id}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук (ИМЛИ РАН),
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
✉ anfisa.savina@yandex.ru

Аннотация. При том значительном внимании, которое уделяется русско-французским культурным связям, тема франкоязычной рецепции литературы Серебряного века все еще остается малоизученной. Рассмотрены три обзорные статьи, редко попадающие в поле зрения исследователей. Это тексты, написанные на французском языке для французских изданий русскими авторами: «Письмо о русской литературе» В.Я. Брюсова (Le Beffroi, 1905), «Заметки о русской литературе нашего времени» З.Н. Гиппиус (Mercure de France, 1908), «Русские поэты» Я.М. Поволоцкого (La Grande Revue, 1911). Во всех случаях речь идет не о регулярном сотрудничестве с французской прессой, а о единичных выступлениях, целью которых было донести до иностранной аудитории свое видение современного литературного процесса в России. Все авторы под видом объективных обзоров стремятся познакомить читателей с литературой символизма. В текстах Брюсова и Гиппиус можно увидеть сжатое изложение мыслей, рассыпанных в их многочисленных русских статьях и заметках. При этом их оценки литераторов-«реалистов» оказываются менее резкими, чем на страницах русских журналов. И все же для обоих критиков обращение к М. Горькому и Л. Андрееву становится своего рода трамплином для представления творчества близких по духу авторов. В отличие от Брюсова и Гиппиус, Яков Поволоцкий в статье о русских поэтах оказывается не столько автором собственной концепции, сколько систематизатором. Опираясь на существующие взгляды, он выделяет три ряда поэтов, наиболее подробно характеризуя «мэтров». Ряд оценок, сделанных в рассмотренных статьях, на сегодняшний день кажутся слишком очевидными, однако необходимо учитывать, что все авторы исходят из представления, что французской публике ничего неизвестно о русской нереалистической литературе.

Ключевые слова: критика, рецепция, русско-французские литературные связи, В. Брюсов, З. Гиппиус, Я. Поволоцкий, символизм, реализм, Le Beffroi, Mercure de France, La Grande Revue

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 2 февраля 2022 г.; откорректирована — 5 апреля 2022 г.; принята к публикации — 6 мая 2022 г.

Для цитирования: *Савина А.Д.* «Ведь они про нас аза не знают...»: русская литература во французской периодике начала XX в. Обзоры Валерия Брюсова, Зинаиды Гиппиус, Якова Поволоцкого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 345–358. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-345-358>

“After All, They Don’t Know Anything About Us...”:
Russian Literature in French Periodicals
of the Early 20th Century. Reviews by Valery Bryusov,
Zinaida Gippius, Yakov Povolotsky

Anfisa D. Savina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*
✉ anfisa.savina@yandex.ru

Abstract. With the considerable attention paid to Russian-French cultural ties, the topic of the French reception of the Silver Age literature still remains poorly studied. In this paper, we consider three review articles that rarely come to researchers’ attention. These are texts written by Russian authors in French for French magazines: “Letter on Russian Literature” by V.Ya. Bryusov (“Le Beffroi”, 1905), “Notes on Russian Literature of Our Time” by Z.N. Gippius (“Mercure de France”, 1908), and “Russian poets” Ya.M. Povolotsky (“La Grande Revue”, 1911). All the cases are not a part of regular cooperation with the French press, but individual performances aspiring to convey the authors’ vision of the modern literary process in Russia to a foreign audience. All the authors, under the guise of objective reviews, seek to acquaint readers with the literature of symbolism. The ideas presented in Bryusov’s and Gippius’s texts are very similar to those found in their numerous Russian articles and notes, but their assessments of “realist” writers turn out to be less harsh than on the pages of Russian magazines. Nevertheless, for both critics, the appeal to M. Gorky and L. Andreev is only a pretext for introducing symbolist writers. Unlike Bryusov and Gippius, Yakov Povolotsky in his article on Russian poets turns out to be not so much the creator of a concept of his own, but a systematizer. His system is based on already existing views. He identifies three groups of poets and describes the “masters” in meticulous detail. Some assessments made in the given articles seem obvious today, but it should be noted that all the authors assume that the French public knows nothing about Russian non-realistic literature.

Keywords: criticism, reception, Russian-French literary relations, V. Bryusov, Z. Gippius, Ya. Povolotsky, symbolism, realism, Le Beffroi, Mercure de France, La Grande Revue

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: February 2, 2022; revised: April 5, 2022; accepted: May 6, 2022.

For citation: Savina, A.D. (2022). “After all, they don’t know anything about us...”: Russian Literature in French Periodicals of the early 20th century. Reviews by Valery Bryusov, Zinaida Gippius, Yakov Povolotsky. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 345–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-345-358>

Введение

При том значительном внимании, которое уделяется русско-французским культурным связям, тема франкоязычной рецепции литературы Серебряного века все еще остается малоизученной. Существуют серьезные исследования, освещающие восприятие отдельных авторов на рубеже XIX–XX веков (например, Д.С. Мережковского (Строев, 2015; Полонский, 2019), М. Горького (Rolet, 2018; Уртминцева, Максимова, 2019) и др.). Однако представляется немаловажным обратиться к появившимся во французской прессе публикациям, в которых представлена *цельная картина* литературной жизни России порубежной эпохи.

В данной работе будут рассмотрены три обзорные статьи, написанные на французском и для французских изданий русскими авторами: «Письмо о русской литературе» (*Lettre sur la Littérature russe*) В.Я. Брюсова (*Le Beffroi*, 1905 (Brussov, 1905)), «Заметки о русской литературе нашего времени» (*Notes sur la Littérature russe de notre temps*) З.Н. Гиппиус (*Mercure de France*, 1908 (Hippius, 1908)), «Русские поэты» (*Les Poètes russes*) Я.М. Поволоцкого (*La Grande Revue*, 1911 (Povolozki, 1911)). За каждым из этих текстов стоит своя, известная или не очень, история создания и публикации. Но во всех случаях речь идет не о регулярном сотрудничестве, при котором авторы могли бы последовательно проводить ту или иную линию, а о единичных выступлениях — обзорах, целью которых было донести до французской аудитории свое видение современного литературного процесса.

Следует сразу подчеркнуть, что и для Брюсова, и для Гиппиус-Мережковской завоевание французской (шире — европейской) популярности было важной стратегической задачей, к которой они относились очень серьезно. При этом оба старались представить не только и не столько свое единоличное творчество, но показать европейской аудитории весомость литературного течения, представителями которого они являлись.

«Письмо...» Валерия Брюсова в *Le Beffroi*

Репутация В.Я. Брюсова как активного и энергичного посредника между французской и русской культурами известна. Критик, переводчик, фактический руководитель журнала «Весь», Брюсов сделал немало, чтобы познакомить соотечественников с европейской литературой. Неудивительно, что лидер московских символистов был заинтересован и в обратном движении.

В журнал *Le Beffroi*, «орган молодых писателей северной Франции и Бельгии, выходивший в Лилле с 1900 по 1906 г.», Брюсов впервые обратился, отвечая на «анкету о французской поэзии», в которой «предлагалось

назвать 10 писателей, достойных стать членами французской «Академии поэтов» (если бы таковая существовала), а также указать лучшую книгу года, изданную на французском языке» (Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915, 2004, с. 127). Об участии в этой анкете Брюсов писал своим французским корреспондентам: Рене Гилю и Эмилю Верхарну.

После этого, в 4-м номере *Le Beffroi* за 1905 году в разделе «Хроника» появилось подписанное Брюсовым «Письмо о русской литературе». Появление публикации во французском журнале было отмечено в «Весах», статье дана следующая характеристика, принадлежащая, скорее всего, перу самого Брюсова: «Le Beffroi. Статья Валерия Брюсова о русской литературе в 1904–5 году. Г. Брюсов говорит о Горьком („Человек“, „Дачники“), Леониде Андрееве („Красный смех“), Мережковском („Петр“), Бальмонте („Собрание стихов“, „Литургия красоты“), Андрее Белом („Возврат“), А. Блоке, Вяч. Иванове и Ф. Сологубе» (Из журналов, 1905, с. 72).

По этому описанию складывается впечатление, что Брюсов постарался дать объективный обзор литературных новинок указанного времени, уделив внимание представителям разных литературных групп. Однако более внимательное рассмотрение французского текста позволяет сделать иные выводы.

Стоит оговорить, что к 1905 году Брюсов уже имел опыт сотрудничества в иностранной прессе — с 1901 года он представлял ежегодные обзоры русской литературы для английского журнала *The Athenaeum*, сменив на этом поприще К. Бальмонта. Более того, сравнение показывает, что ряд фрагментов во французском и английском журналах совпадают. Однако французская статья не идентична английской. Вероятно, это объясняется разными задачами. Для английского издания Брюсов писал хоть и редко, но регулярно, целью статей было представить самые яркие литературные и исторические новинки за истекший год. Корреспонденция Брюсова во французский журнал осталась единственной и должна была дать читателю общее представление о литературной ситуации последних лет.

Французская статья Брюсова начинается с утверждения, что после расцвета романа в 1860–1870 годах (Достоевский, Тургенев, Толстой) русская литература переживала упадок, таланты (за исключением Всеволода Гаршина) отсутствовали. Но последние годы ушедшего века стали для России настоящей эпохой возрождения/обновления («*époque de renouveau*») (Brussov, 1905, p. XVII)¹.

Характеристику этого «обновления» критик начинает отнюдь не с символизма, не с идеализма, как можно было бы ожидать, — стараясь приблизиться к читателю, он обращается к реализму и Горькому: «Движение, наиболее известное иностранцам, связано с именем Максима Горького. Его произведения снискали громкий успех в Германии и появились в нескольких французских изданиях <...>. Горький — бесспорно, подлинный талант»

¹ При цитировании французских источников приводится, по возможности, близкий тексту перевод. При необходимости для более точной передачи смысла даются выражения оригинала.

(Brussov, 1905, p. XVII). Таким образом, как будто согласившись со справедливостью признания Горького, Брюсов начинает последовательное опровержение: «В его рассказах встречаются поразительные типы, но ему не хватает глубины восприятия и широты взгляда. <...> Но даже эти типы, постоянно повторяясь в его произведениях, в конце концов утомляют. Он пользуется чисто романтическим методом, но порой это романтизм дурного вкуса. В последнее время... Горький обратился к театру. Его драматический шедевр „На дне“ — не что иное, как серия диалогов, извлеченных из его романов. Что касается его последней драмы — „Дачники“ — она не поднимается над уровнем посредственности. „Человек“, стихотворение в прозе, появившееся прошлой осенью, — соединение риторических восклицаний, смесь плохо понятых идей Ницше и Карлейля» (Brussov, 1905, p. XVII).

Собственно, на протяжении этого абзаца Брюсов просто разрушает репутацию Горького как «подлинного таланта». Как известно, Брюсов писал о Горьком немало, и процитированные выше строки коррелируют с рецензиями в «Весах», причем в русском издании Брюсов куда более беспощаден («Горький исписался», «Горький не говорит ничего нового: приемы писания, стиль, мысль — все у него избито») и т.д. (Смирнов [Брюсов], 1905, с. 48)).

Отметим, что иначе Брюсов пишет о Горьком в журнале *The Athenaeum*. В обзорах 1901–1903 годов он восхищается талантом писателя (повесть «Трое», драмы «Мещане», «На дне»), в 1904 году — просто не упоминает его имени, в обзоре 1904–1905 годов отмечает, что «влияние М. Горького как писателя сильно падает» (Ильёв, 1983, с. 340).

Французский текст по уровню притяжения-непритяжения Горького стоит между английским и русским, и это соположение дает нам внятное представление о том, что восхищало Брюсова в Горьком в первые годы XX века и чем он был разочарован.

Далее Брюсов переходит ко второму кумиру публики — Л. Андрееву, признавая в его таланте большее художественное значение. Как и о произведениях Горького, о рассказах Андреева Брюсов пишет и в «Весах», и в “*The Athenaeum*”, при этом все три публикации — русская, английская, французская — близки, однако во французском журнале дается самая короткая и незмоциональная версия, а заканчивается пассаж признанием недостатков Андреева: в «Красном смехе» «Андреев не сумел создать эпичную картину: он слишком психологичен для этого» (Brussov, 1905, p. XVII) (отметим, что в «Весах», разбирая творчество Андреева, Брюсов приходит к более жестким выводам: «При внешнем таланте изображать события и душевные состояния, Л. Андреев лишен мистического чувства, лишен прозрения за кору вещества. Грубо-материалистическое мировоззрение давит дарование Л. Андреева, лишает его творчество истинного полета»² (Брюсов, 1904, с. 49)). Как и в ситуации с Горьким, на страницах русского журнала

² Приведенная цитата появляется в тексте, представляющем собой изложение брюсовского обзора из журнала *The Athenaeum*, однако в английском журнале эта фраза отсутствует.

Брюсов оказывается более агрессивным критиком, в английском издании — избегает упреков, во французском — делает их в мягкой форме.

Несколько снизив статус «противника», Брюсов переходит к тому, что ему дорого: «Менее известный за границей круг представлен писателями, принадлежащими к идейному движению, аналогичному тому, что во Франции называют „декаданс“ и „символизм“. Поэты этой группы разделились на две школы» (Brussov, 1905, р. XVII–XVIII).

Далее две страницы посвящены этим школам. По словам Брюсова, первая — образованная старшим поколением — группировалась вокруг «Нового Пути». В ней интерес к эстетическим вопросам сменился интересом к вопросам «почти исключительно мистическим и религиозным». Брюсов посвящает абзац религиозно-философским собраниям и затем характеризует романы Мережковского: «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей», про последний он замечает: «Есть прекрасные страницы в этой книге, характеристика Петра ослепительна, но слишком большая эрудиция и очевидная пристрастность вредят производимому впечатлению» (Brussov, 1905, р. XVIII). Здесь оценка смягчается не только по сравнению с русским, но даже по сравнению с английским текстом.

Другая символистская школа, по мысли Брюсова, образована вторым поколением поэтов, которые «остаются верными исключительно эстетическим принципам. Сейчас эти писатели группируются вокруг двух издательств: „Скорпион“ и „Гриф“, а также вокруг журнала „Весы“. Большинство этих поэтов испытали влияние Верлена, Малларме, Верхарна, Метерлинка...» (Brussov, 1905, р. XVIII). Последнее предложение — очевидно, не только мнение критика, но и реверанс в сторону французской публики, попытка приблизить к ней родное Брюсову движение.

Наиболее заметным поэтом Брюсов, как и ожидается, называет Бальмонта. Критик уделяет место характеристике его творчества (причем, говоря о мелодичности поэзии Бальмонта, даже приводит на французском примеры ассонансов из его русских стихов: «le feu, l'eau, l'air, la terre» (Brussov, 1905, р. XVIII)), а также отмечает его переводческие заслуги.

Вторым по значимости Брюсов называет Андрея Белого, рассказывая об оригинальности жанра «симфония». По одному предложению приходится на Ал. Блока («Стихи о Прекрасной Даме»), Вяч. Иванова («Прозрачность») и Ф. Сологуба («Книга сказок»). Авторам этой «школы» Брюсов не делает никаких упреков, он лаконично отмечает особенности каждого, но никак не снижает свои оценки.

При желании можно найти выраженные во французском издании тезисы Брюсова разбросанными по страницам английского и русских изданий. Однако в *Le Belfroi* он в лаконичной форме (без эмоциональных нападок) высказывает представление о ситуации в русской литературе, которое сложилось у него к 1905 году. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся объективность, обращение к значимым и известным за рубежом современникам-реалистам оказывается для Брюсова трамплином для пред-

ставления «менее известного за границей» движения русского символизма. В русском символизме же он начинает с не слишком близких ему по духу религиозных исканий, а потом уже акцентирует внимание на поэтах, группирующихся вокруг «Весов» и «Скорпиона».

Зинаида Гиппиус. «Заметки о русской литературе нашего времени». *Mercure de France*

История появления статьи З. Гиппиус в *Mercure de France* хорошо известна (см. например: (Соболев, 1992, с. 360–361; Строев, 2015, с. 558)). Она связана с публикацией в июльском номере того же журнала «Русского письма» Евгения Петровича Семенова, посвященного мистическому анархизму (Séménoff, 1907). Семенов, ссылаясь на И.А. Чулкова, назвал мистический анархизм одним из важных течений в современной русской литературе, что вызвало бурное негодование российских литераторов. В русской печати появился ряд язвительных статей и протестов. Брюсов, кроме того, направил свой протест в *Mercure de France*. Гиппиус между тем, публикуя выпады против Чулкова в «Вессах», считала, что по отношению к французской публике действовать надо более тонко. О своем видении поведенческой стратегии она сообщала Брюсову из Парижа: «Я очень *боюсь*, что всякое теперь выступление *по поводу* Чулкова (этого его интервью) — послужит к его процветанию и убедит европейцев, что борются две “школы”. А соображение мое такое: не лучше ли будет написать мне, в течение этого месяца, *как будто* независимую статью о русской литературе, причем я постараюсь коснуться остро — и небрежно статьи Семенова и объясню в нескольких словах, *что такое* Чулков, тихо пожалев Семенова, что он попал не туда и этого не заметил» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Филоsofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909), 2001, с. 177).

В это время Мережковские регулярно посещают вечера издательства *Mercure de France*, общаются лично с руководителем журнала — Альфредом Валеттом, который обещает Гиппиус сразу опубликовать ее материалы. Однако статья далась Гиппиус труднее, чем она ожидала, о чем свидетельствует ее признание Брюсову: «...все еще пишу эту надоевшую мне статью в „*Mercure*“ и никак не могу кончить. Мне казалось, что по-французски легче писать, потому что проще, слов меньше, не из чего выбирать, а ошибки — поправлять. Какой там! Труднее. Точно спеленут. Да и внутренне труднее: как им говорить? Ведь они про нас аза не знают. Я представить себе не могла, что они *так* ничего не знают!» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Филоsofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909), 2001, с. 183).

Интенция Гиппиус понятна: с одной стороны, она представляет свое видение ситуации в русской литературе совершенно несведущей и довольно равнодушной французской публике. С другой стороны, она должна исподволь выдержать «кружковые» интересы: показать несостоятельность теорий Чулкова и снизить авторитет Семенова.

Статья Гиппиус появилась в первом номере *Mercure de France* за 1908 год, причем не в «Двухнедельном обозрении», где публиковались «Письма» об иностранной литературе, а в основном разделе. Несмотря на известную историю создания, содержанию этой статьи редко уделяется внимание, поэтому имеет смысл на ней остановиться.

В отличие от трехстраничного «Письма...» Брюсова в *Le Beffroi*, про развернутую публикацию З. Гиппиус нельзя сказать, что это хоть в какой-то мере объективное описание литературной ситуации в России. Это больше похоже на манифест определенной литературной группировки. Гиппиус начинает с заявления, что литература в европейском смысле слова появилась в России только с образованием журнала «Мир искусства» — потому что именно он создал вокруг себя эстетическую среду, при которой возможно говорить о «литературной жизни». До этого — то есть до конца 1890-х годов — в России существовали только отдельные гении (Пушкин, Толстой, Достоевский, Тургенев), по силе не уступающие европейским знаменитостям, но не образующие общих традиций³. Дело в том, что литература в России, по мнению Гиппиус, всегда была слишком придавлена политикой, и любая интеллектуальная жизнь оказывалась невозможной без политики. Все это и не позволяет говорить о литературном движении до создания «Мира искусств».

Сделав такое вступление, Гиппиус обращается к тем, кто сплотился вокруг «Мира искусств». По ее словам, именно из среды этого журнала и примерно одновременно вышли поэты, основавшие «Весы», философствующие писатели, публикующиеся в «Новом Пути», музыкальные критики, художники, знакомые по выставкам французской публике. Разумеется, для создания такой картины Гиппиус несколько подтягивает даты.

Важнейший тезис статьи Гиппиус: «В наше время любое узко национальное литературное или научное движение, не стремящееся к соединению со всеобщей культурой, не может иметь реального значения» (Hippius, 1908, p. 73). Поэтому Чехов, по ее мнению, оказывается слишком мелок. Время единичных гениев вышло, важнее усилия группы, рвущейся к европейской культуре. «Представителем прошлого», «единичной индивидуальностью» оказывается Горький, которого Гиппиус старается просто уничтожить: «талант [Горького] создан исключительно бессознательной и слепой силой человека из народа. Действие событий последних лет и влияние интеллектуальных кругов довершило гибель; сейчас Горький как писатель — не более, чем средний социалист и умерший художник» (Hippius, 1908, p. 73). (Эти оценки совпадают и с ранним высказыванием Брюсова, что Горький «исписался», и с русскими высказываниями круга Мережковских о Горьком (Гиппиус, 1908; Философов, 1907)).

Не сумев ограничиться только легким и небрежным касательством выступления Семенова, Гиппиус весь разговор о символистах строит в поле-

³ В какой-то степени Гиппиус касается этого вопроса в статье 1907 года. «Человек и болото» (Гиппиус, 1908, с. 397–399).

мике с высказываниями Чулкова. Ее основные тезисы: «мистические анархисты» — самодовольные «дети», в теориях которых нет ничего нового, а все более или менее талантливые силы русской литературы не имеют ничего общего с Чулковым. В частности, Гиппиус говорит о Сологубе и Брюсове, последнему уделяя довольно много внимания как верно исповедующему принцип «искусства для искусства», «непримиримому противнику варварства во всех его формах» (Hippius, 1908, p. 77). Однако не с «чистым искусством» Гиппиус связывает будущее русской литературы: «Чем станет русская литература завтра, невозможно сказать с точностью. По какому пути пойдет главное движение, которое шевелится уже в хаосе наших дней, мы не знаем ничего. Некоторые малоощутимые признаки позволяют предвидеть две существенные характеристики истинной русской литературы будущего. Она будет связана с культурой Европы и мира, но она сохранит особенности русской души. Одна из этих особенностей — стремление к религиозной жизни, осознанной и метафизической столько же, сколько и мистической; таким образом, искусство будет опираться на религиозные концепции» (Hippius, 1908, p. 78).

При очевидных отличиях в чем-то Гиппиус строит статью так же, как и Брюсов свой текст в *Le Beffroi*: после вступления с упоминанием имен классиков она громит «врагов» — в первую очередь Горького, хотя достается и Чехову, и Андрееву, и, разумеется, — Чулкову. Затем рассматривает две ветви школы символистов. При этом сначала московскую — эстетическую, сплотившуюся вокруг «Весов», а уже под конец — заветную, обращенную к религии.

Статью Гиппиус, написанную по слишком конкретному поводу и, соответственно, слишком полемическую, нельзя назвать настоящим «обзором» литературной ситуации в России. Характеристики тех или иных писателей надо просто выискивать в тексте. Вероятно, поэтому «Весы», обычно уделяющие немало внимания и появлению русских материалов в европейской прессе, и журналу *Mercur de France*, достаточно лаконично сообщили об этой публикации, процитировав несколько данных Гиппиус характеристик (Из журналов, 1908, с. 106).

Яков Поволоцкий о русской поэзии. *La Grande Revue*

И наконец, третий обзор принадлежит уже не писателю, но человеку, тесно связанному с литературой и книжным делом, — Якову Поволоцкому, известному в 1920–1930 годах парижскому издателю, публиковавшему книги на русском и французском языках. В частности, именно Поволоцкий напечатал в 1920 году «Двенадцать» Блока в переводе С. Ромова с иллюстрациями М. Ларионова. Вполне естественно, что в научной литературе чаще встречается информация о его деятельности после Октябрьской революции. Одно из счастливых исключений — готовящаяся к печати статья

А.Ф. Строева (Строев, в печати), в которой приводятся интересные детали дореволюционной биографии Я.М. Поволоцкого.

Издательство Поволоцкого существовало с 1912 года, а во французской печати он дебютировал в 1911 году со статьей «Русские поэты» (Povolozki, 1911)⁴. Как отмечает А.Ф. Строев, статья представляет собой публикацию лекции, прочитанной Поволоцким в 1910 г. (Строев, в печати).

Это развернутый текст, в котором автор старается представить современных русских поэтов в определенной системе, причем не следуя хронологическому принципу. Начиная статью, Поволоцкий называет стоящую перед ним задачу очень сложной, так как «ничего из произведений не было переведено и никаких документов не существует на французском: ни биографий, ни библиографий, ни критических работ» (Povolozki, 1911, p. 114). В конце своего обзора он подчеркивает, что у него не было цели судить и давать оценки. Однако, хочет он того или нет, порядок представления поэтов и количество страниц или строк, уделенное каждому, базируется на их значимости в глазах критика.

Первое место безоговорочно отдано Бальмонту и Брюсову: именно они начали борьбу за символизм, триумф которого обеспечил искусству независимость. Каждому из них Поволоцкий уделяет по две страницы и только их стихотворения цитирует. Он начинает с указания возраста поэта, приводит даты выхода важнейших сборников, оценки критики. Отмечает особенности поэтики и «творческий идеал», находит параллели среди европейских авторов (Бальмонт сравнивается с Верленом, Брюсов — с Верхарном). Характеризуя творчество, Поволоцкий пишет об индивидуализме («аристократическом эгоизме») и мимолетности впечатлений, свойственных поэзии Бальмонта, о пластичности, совершенной технике и важности городской темы у Брюсова.

Блок — «чемпион среди молодых» — оказывается смелым продолжателем новаторских достижений Бальмонта и Брюсова, он подхватывает у Брюсова тему урбанизма, но оригинально развивает ее, ибо «нервность его души» созвучна нервности современных жителей большого города (Povolozki, 1911, p. 119, 120). У Сологуба, который «стоит рядом с тремя названными поэтами, но все-таки в стороне», Поволоцкий подчеркивает пессимизм и тягу к смерти (Povolozki, 1911, p. 121).

Охарактеризовав этих четырех поэтов, критик в отдельную «школу» выделяет «богоискателей», или «мистиков», к которым относит трех авторов: Мережковского, Андрея Белого, Вяч. Иванова.

Подчеркнув, что **поэт** Мережковский мало оценен в России и давно уже уступил место Мережковскому-прозаику, Поволоцкий пытается кратко очертить мировоззрение писателя. Как ни странно, он ни слова не говорит о типичных для Мережковского оппозициях (дух-плоть, Хритос-Антихрист,

⁴ В 1912 году в издательстве “Grasset” вышел роман Арцыбашева «Санин» в переводе Я. Поволоцкого. В 1913 — его перевод романа того же автора «У последней черты».

христианство-язычество), но выделяет его антипозитивизм и обращенность к религии. Поэтическое творчество Белого и Вяч. Иванова заслуживает большее внимание критика, однако, говоря о них как о значительных поэтах, Поволоцкий отмечает, что стремление новыми средствами выразить уже не раз сказанное прежде порой затрудняет понимание их произведений. В случае Андрея Белого критик подчеркивает неровность творчества, метания и соединение мистицизма с горячим патриотизмом, в случае Вяч. Иванова — совмещение современного словаря с архаизмами и тяжеловесность стиля.

Отдельно Поволоцкий называет поэта-метафизика Минского, которому сфера размышлений и описаний дается лучше, чем выражения чувств. «Множество формальных дефектов Минского искупаются оригинальной и сильной мыслью, стоической даже, хотя без пессимизма» (Povolozki, 1911, p. 126).

На Минском Поволоцкий заканчивает разговор о «мэтрах», но отмечает, что за великими поэтами стоит целая плеяда тех, о ком нельзя умолчать и чьи силуэты он постарается набросать очень кратко. Ими оказываются И. Анненский, Н. Гумилев, М. Волошин, С. Городецкий, М. Кузмин. Каждому из них критик посвящает один-два абзаца: Анненский известен как «наш лучший стилист», один из самых эрудированных людей среди русских интеллектуалов. Гумилев — «лучший ученик Валерия Брюсова», именно «ученик, а не подражатель», «поэт скорее эпичный, чем лиричный». Волошин — «импрессионист» и «окультист». Городецкий — символист, «не затрудняющий себя старомодным идеализмом, не ищущий, когда приходит печаль, утешения иллюзии». «Стихотворения Кузмина гармоничны и музыкальны...» (Povolozki, 1911, p. 126–128).

Уже в завершающих абзацах Поволоцкий приводит и «третий ряд» — имена тех, кто, безусловно, имеет значение, но, пишет критик, «на поэтическом небосклоне это звезды меньшей величины» (Зинаида Гиппиус, Чулков, Потемкин, Гофман, Соловьев, Пест <Пяст?>, Руковишников) (Povolozki, 1911, p. 128).

Как мы видим, статья Поволоцкого серьезно отличается от рассмотренных ранее текстов Брюсова и Гиппиус. Дело не только в том, что он ведет речь исключительно о поэзии — выступая не столько автором собственной концепции, сколько систематизатором, обобщающим существующие взгляды, он стремится беспристрастно и полно охватить материал. Важным источником для статьи Поволоцкого послужили очерки о русской литературе Петра Семеновича Когана, собранные во втором и третьем выпусках тома «Современники» (Коган, 1910; Коган, 1911). Оставив в стороне социальные взгляды автора очерков (П.С. Коган — марксист и отнюдь не поклонник модернизма, в отличие от Поволоцкого), критик цитирует высказывания Когана, следует за ним в классификации и ряде характеристик (тема города у Блока, «разорванность» А. Белого). Кроме того, Поволоцкий, очевидно, являлся внимательным читателем «Аполлона» — он приводит выдержки из статей Анненского, Элліса, Гумилева, опубликованных в этом журнале.

Заключение

Ряд оценок, сделанных в рассмотренных статьях, на сегодняшний день кажутся слишком очевидными, однако не стоит забывать, когда и для кого они сделаны. Притом что литературная ситуация в России с 1905 к 1911 году заметно изменилась, все авторы исходят из представления, что французской публике **ничего** неизвестно о русском символизме.

Разумеется, для лучшего понимания ситуации, хорошо было бы узнать, реагировала ли и как реагировала французская аудитория на эти статьи. Кроме того, для дальнейшего развития темы кажется небесполезным фронтальный просмотр «Русских писем», появлявшихся на рубеже веков во французских периодических изданиях.

Библиографический список

- Б.п.* В журналах и газетах // *Весы*. 1905. № 4. С. 68–72.
- Б.п.* Из журналов // *Весы*. 1908. № 2. С. 104–106.
- Брюсов В.Я.* Athenaeum о европейской литературе за 1904 г. 1. Россия // *Весы*. 1904. № 9. С. 48–53.
- Гиппиус З.Н.* Литературный дневник (1899–1907). СПб: Изд-во М.В. Пирожкова, 1908. 453 с.
- Ильёв С.П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901–1906) // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван: Советакан Грох, 1983. С. 275–349.
- Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы Т. 3: Современники. Вып. II. М.: Заря, 1910. 162 с.
- Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы Т. 3: Современники. Вып. 1–3: Мистики и богоискатели. М.: Заря, 1911. 160 с.
- Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909) / публ. и подгот. текста В.М. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой // *Литературоведческий журнал*. 2001. № 15. С. 124–347.
- Полонский В.В.* Мережковский «идет на Париж»: стратегии русского писателя по освоению французской литературной среды Прекрасной эпохи / В.В. Полонский. Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 184–221.
- Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915 / сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. Р. Дубровкина; перевод с французского Р. Дубровкина, И. Григорьевой, Е. Смагиной-Варон; подг. французского текста П.-И. Мюллер. СПб.: Академический проект, 2004. 512 с.
- Смирнов Н.* [Брюсов В.Я.] Сборники товарищества «Знание» за 1904 г. Кн. IV и V. Нижегородский сборник. Изд-во тов. «Знание» // *Весы*. 1905. № 4. С. 47–50.
- Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // *Лица: Биографический альманах*. 1. М. СПб.: Феникс, Atheneum, 1992. С. 319–371.
- Строев А.Ф.* Андрей Белый в зеркале французской критики (1905–1935). В печати.
- Строев А.Ф.* Первые французские переводчики и рецензенты Дмитрия Мережковского // *Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации*. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 539–573.

Уртминцева М.Г., Максимова Т.Г. Творчество М. Горького 1890–1900 годов во французской литературной критике и публицистике начала XX века: от факта к образу // Научный диалог. 2019. № 6. С. 190–205.

Философов Д.В. Конец Горького // Русская Мысль. 1907. № 4. С. 122–141.

Brussov V. Lettre sur la Littérature russe // Le Beffroi. 1905. Fasc. 54, avril. P. XVII – XIX.

Hippius Z. Notes sur la Littérature russe de notre temps // Mercure de France. 1908. 1 Janvier. P. 71–79.

Povolozki J. Les Poètes russes // La Grande Revue. 1911. Vol. 66. 10 Mai. P. 114–128.

Rolet S. Comment les Français ont découvert Na dne // Studia Litterarum. 2018. T. 3, № 1. С. 154–177.

Séménoff E. Lettres russes. Le Mysticisme Anarchique // Mercure de France. 1907. 16 Juillet. P. 361–364.

References

- Anon. (1905). In Magazines and Newspapers. *Vesy*, (4), 68–72. (In Russ.)
- Anon. (1908). From Magazines. *Vesy*, (2), 104–106. (In Russ.)
- Briusov, V.Ya. (1904). “Athenaeum” on European Literature in 1904. 1. Russia. *Vesy*, (9), 48–53. (In Russ.)
- Brussov, V. (1905, Avril). Lettre sur la Littérature russe. *Le Beffroi*, fasc. 54, XVII–XIX.
- Filosofov, D.V. (1907). Gorky’s End. *Russkaya Mysl’*, (4), 122–141. (In Russ.)
- Gippius, Z.N. (1908). *Literary Diaries (1899–1907)*. Saint-Petersburg: M.V. Pirozhkov Publ. (In Russ.)
- Hippius, Z. (1908, Janvier 8). Notes sur la Littérature russe de notre temps. *Mercure de France*, 71–79.
- Iliev, S.P. (1983). Russian Literature Reviews for the English Magazine “The Athenaeum” (1901–1906). *Briusov Readings 1980* (pp. 275–349). Yerevan: Sovetakan Groh Publ. (In Russ.)
- Kogan, P.S. (1910). *An Outline of Contemporary Russian Literature* (Issue. 2). Moscow: Zarya Publ. (In Russ.)
- Kogan, P.S. (1911). *An Outline of Contemporary Russian Literature* (Issue. 3). Moscow: Zarya Publ. (In Russ.)
- Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ya. Briusov (1906–1909). (2001). Publ. and ed. by V.M. Tolmachev; comment. by T.V. Vorontsova. *Journal of Literary Criticism*, (15), 124–347. (In Russ.)
- Polonsky, V.V. (2019). Merezhkovsky “Comes to Paris”: The Russian Writer’s Strategies of Conquering French Literary Milieu of the “Belle Époque”. *Polonsky, V.V. From the History of Russian-French Literary Connections (Late 18th — Early 20th Centuries)* (pp. 184–221). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Povolozki, J. (1911, Mai 10). Les Poètes russes. *La Grande Revue*, 66, 114–128.
- René Ghil — Valery Briusov. *Correspondence. 1904–1915*. (2004). Saint-Petersburg: Academicheskyy Proyekt Publ. (In Russ.)
- Rolet, S. (2018). Comment les Français ont découvert Na dne. *Studia Litterarum*, 3(1), 154–177.
- Séménoff, E. (1907, Juillet 16). Lettres russes. Le Mysticisme Anarchique. *Mercure de France*, 361–364.
- Smirnov, N. [Briusov, V.Ya.] (1905). Collections of “Znaniye” Fellowship for 1904. Books IV и V. *Vesy*, (4), 47–50. (In Russ.)

Sobolev, A.L. (1992). The Merezhkovskys in Paris (1906–1908). *Faces: Biographical Almanac. 1* (pp. 319–371). Moscow — Saint-Petersburg: Feniks, Atheneum Publ. (In Russ.)

Stroev, A.F. *Andrey Bely in French Criticism (1905–1935)*. In print. (In Russ.)

Stroev, A.F. (2015). First French Translators and Reviewers of Dmitry Merezhkovsky. *Russian Literature in World Culture: Reception, Translations, Interpretations* (pp. 539–573). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)

Urtmintseva, M.G., Maksimova, T.G. (2019). M. Gorky Works of 1890–1900 in French Literary Criticism and Journalism of the Early XXth Century: From Fact to Image. *Nauchnyy Dialog*, (6), 190–205. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Савина Анфиса Даниловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. ORCID ID: 0000-0002-8081-5159; e-mail: anfisa.savina@yandex.ru

Bio note:

Anfisa D. Savina, Candidate of Philology, Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. ORCID ID: 0000-0002-8081-5159; e-mail: anfisa.savina@yandex.ru